

Трансдисциплинарный потенциал феноменологии

В.Л. ВАСЮКОВ

Возможно ли использовать эвристический потенциал феноменологической эпистемологии для анализа методологических проблем как самой философии, так и когнитивных наук? Вопрос, который задает в начале своей статьи Н.М. Смирнова, получает утвердительный ответ в виде сформулированного ею же тезиса: *феноменологическая эпистемология предоставляет не только мощный инструмент исследования генезиса основополагающих понятий и прояснения философских оснований когнитивных дисциплин, но она исследует его механизм как в принципе возможный для разума.*

В чем же специфика метода феноменологической эпистемологии? В самом деле, если классический *Ratio* амбивалентен по своей природе, позволяя интерпретировать себя и как свод законов объективного мира, и как общезначимые структуры человеческой субъективности, то феноменологический анализ приводит к функциональному «раздвоению» субъекта. Применяя трансцендентально-феноменологическую редукцию, мы осуществляем сдвиг познавательной перспективы – внимание переключается с объекта познания на порождающие механизмы его репрезентации во внутреннем опыте. С одной стороны, наш субъект погружен в свой объект, в жизнь исследуемой социальной группы или культурного сообщества, принимая присущую им систему социально-групповых смыслов, оставляя в стороне собственные смыслы, полученные в повседневном, научном и культурном опыте. С другой стороны, он встраивает плоды такого восприятия в дисциплинарную онтологию (социологическую, историческую и т.п.), трансли-

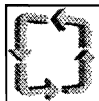
руя затем полученные знания научному сообществу («трансцендентальному субъекту»).

Здесь, по справедливому мнению Н.М. Смирновой, и проходит демаркационная линия между феноменологической и постмодернистской эпистемологиями, поскольку последняя признает «когнитивную равноценность» всех дискурсов, культурных практик, языковых игр. Здесь же она отмечает, что первые последователи и ученики Гуссерля считали, что конкретные проблемы социальных наук, в частности, прояснение смыслов их фундаментальных понятий, можно разрешить с помощью непосредственного приложения к ним феноменологических методов, например, метода эйдетической редукции. Но некритическое приложение феноменологических методов без учета предметной специфики когнитивных наук породило недоверие к феноменологии в сообществе ученых.

Эти негативные результаты можно было бы объяснить, по видимому, не просто неучетом той или иной специфики (будь то мнимая равноценность дискурсов или неоправданное приложение феноменологических методов к когнитивным наукам), но скорее тем обстоятельством, что мы сталкиваемся здесь с таким типом междисциплинарного взаимодействия, когда две дисциплины механически объединяются в единую структуру. В этом случае методы одной дисциплины некритически применяются в рамках другой, происходит своеобразное «сложение» и методов и предметных специфик в одну конструкцию, структура которой также представляет собой сумму структур исходных дисциплин.

Феноменологическая эпистемология в этом случае выгодно отличается от этих «объединенных» дисциплин, поскольку здесь взаимодействие феноменологии и эпистемологии носит гораздо более тонкий характер. Двойственная природа субъекта означает здесь, что он представляет собой как бы своеобразного «кентавра» — ему одинаково присущи и система социально-групповых смыслов, и система соответствующей дисциплинарной онтологии, не говоря уже о трансляции полученных знаний «трансцендентальному субъекту». Здесь сохраняются и предметные специфики, функционируя «параллельно», и не происходит некритического применения методов одной дисциплины к другой.

Нечто подобное происходит и с феноменологической социологией, в которой имеют место как социологические, так и социально-феноменологические импликации. В частности, Н.М. Смирнова указывает, что феноменологическая социология рассматривает степени рассогласования субъективного и объективного значений, «формируя философски более “тонкую” методологию анализа социального действия». При этом важно то, что и понимающая социология, и феноменологическая социология исходят из

неявного допущения постоянства субъективного смысла на протяжении всего процесса исполнения действия

Если же идти дальше вслед за автором статьи и рассматривать эвристический потенциал феноменологической эпистемологии и его значение для решения проблем теоретической социологии, то здесь нас тоже ожидают интересные методологические наблюдения.

Обратим внимание на то, как А. Шюц, феноменологические развивая веберовскую понимающую социологию, руководствуется следующим методологическим постулатом: при переходе с одного уровня анализа на другой все ранее используемые понятия неизбежно претерпевают сдвиг значений, зачастую не замечаемый самим исследователем. С другой стороны, субъективные смыслы всегда эволюционируют под влиянием обстоятельств и по мере накопления субъективного опыта исполнения самого действия; сам проект действия, основанный на типизированных представлениях, никогда не реализуется в точности так, «как задумывалось». Феноменологический анализ расчленяет социальное действие на ряд относительно самостоятельных этапов, когда можно скорректировать будущие действия на основе обретенного опыта на предыдущем этапе. Возникает впечатление, что в этом случае каждый этап включает в себя некоторую проекцию задуманного ранее действия в область новообретенных смыслов, с последующей коррекцией первоначального замысла, обусловленной результатом «симуляции» действия в этой сфере смыслов. И это действие будет тем успешнее, чем более оно будет согласовано со всеми подобными сферами смыслов.

С другой стороны, понятие жизненного мира, приобретающего, как указывает Н.М. Смирнова, все большее инструментально-методологическое значение для феноменологического анализа когнитивных наук, заставляет учитывать еще одно обстоятельство: структуры жизненного мира содержат имманентную отнесенность к Другому, выражают опыт совместного бытия. Феноменологический смысл интерессубъективности многообразен, однако он может означать и то, что наши действия всегда находят свое отражение в бытии Другого, через которое они возвращаются к нам. Это возвращение заставляет нас действовать так, чтобы всегда учитывать этот «отклик», поскольку он представляет собой неотъемлемую часть жизненного мира. И пусть, по Гуссерлю, понятие природы в классической механике является ничем иным, как идеализированной абстракцией жизненного мира, оторванной от человека и объектов культуры, – оно тем не менее вносит свой вклад в наши действия в жизненном мире, детерминируя наши поступки и объяснения. Мы проецируем свои намерения, представления, понятия в эту абстракцию в надежде получить верное

свидетельство правильности и законности своих замыслов, мы зачастую и действуем на основании полученного ответа и отражения связей между нашими поступками в подобном несовершенном «зеркале».

Таким образом, феноменологическая эпистемология в этих случаях предстает перед нами еще в одной дисциплинарной ипостаси: дисциплины, предполагающей наличие различного рода постоянных связей с другой дисциплиной. Эти связи могут быть однонаправлены, могут быть взаимны, но они обязательны. Такая постоянная коррекция смыслов одной области со смыслами другой области конституирует, по сути, новую дисциплину, отличающуюся принципиальным неустранимым наличием этой коррекции.

Но вернемся к вопросу, поставленному в начале: возможно ли использовать эвристический потенциал феноменологической эпистемологии для анализа методологических проблем как самой философии, так и когнитивных наук? Приведенный здесь методологический анализ дает основание ответить утвердительно на этот вопрос. Присоединяясь тем самым к мнению Н.М. Смирновой, чья статья послужила в качестве «затравочного» материала для дискуссии по поводу феноменологической эпистемологии, в заключение хотелось бы отметить, что трансдисциплинарный потенциал феноменологии настолько мощен и не реализован, что нас ждут еще многие открытия и неожиданности на пути его реализации.